

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
З-94

Серия «Боевая фантастика»

Оформление обложки *Станислава Дудина*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

**Зурков, Дмитрий Аркадьевич;
Черепнев, Игорь Аркадьевич**

З-94 Бешеный прапорщик: Контрфевраль: роман /
Дмитрий Зурков, Игорь Черепнев. — Москва: Из-
дательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»,
2019. — 352 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-117642-6

Февраль, 1917 год... Роковой месяц рокового года, став-
ший началом гибели Российской империи и братоубийствен-
ной гражданской войны... Можно ли остановить смертельную
лавицу кровавого хаоса, заботливо взлелеянного заграничны-
ми «друзьями»?..

Можно! Именно поэтому Особый корпус генерала Келле-
ра прибывает в Петроград. И капитан Гуров со своим 1-м От-
дельным Нарочанским батальоном специального назначе-
ния — тоже. И горе тем, кто встанет у них на пути...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-117642-6

© Дмитрий Зурков, 2019
© Игорь Черепнев, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Авторы искренне благодарят участников форумов «*В Вихре Времен*» и «*Самиздат*», кто помогал советами и замечаниями и без чьей помощи книга не получилась бы такой, как она есть, и особенно: *Светлану, Екатерину и Илью Полозковых, Элеонору и Грету Черепневых, Ольгу Лащенко, Анатолия Спасивцева, Владимира Геллера, Игоря Мармонтова, Виктора Дурова, Виталия Сергеева, Александра Колесникова, Владимира Черменского, Андрея Метелёва и Валерия Дубницкого.*

Глава 1

Мы едем, едем, едем в далекие края... В очень далекие, аж в самую Сибирь. В составе комиссии по проверке исполнения мобилизационных планов. Как там, в той пословице? Соловей берёт качеством, а воробей — количеством? Так и у нас. Вместо того чтобы уже призванных готовить как следует, сначала набирали молодых неотёсанных лопушков, теперь гребём чуть ли не сорокалетних ратников запаса, не знающих подчас, где у них правая нога, а где левая, и давно уже не думающих ни о чём, кроме своей большой семьи и очень небольшого хозяйства. Сгоняем их в запасные батальоны... и не готовим ни к чему, кроме как есть начальство глазами, изображать в меру способностей солдатушек — бравых ребятушек и топтать плац. А потом — в окопы, Веру, Царя и Отечество защищать в меру способностей и желания, которого, правда, давно и в помине нет. В Питере вон запасные батальончики зачастую уже даже не двойного, а тройного состава.

Ну, и мы решили не отставать от моды. Перед отъездом пришел официальный приказ Ставки о разворачивании 1-го отдельного Нарочанского в батальон двойного состава, великий князь Михаил Александрович постарался. Так что часть последнего

потока «курсантов» рискует остаться в постоянном составе, но только лучшие из лучших. Да и так людей искать надо, с чем, собственно, и едем. Вон тот же Гордей, читающий у окна «Капитана Сорви-голова», рассчитывает поднять в Томске свои давние охотничьи связи и заполучить себе во взвод ещё несколько снайперов. И едет-то не один, Семён тоже с нами, соединяет полезное с приятным. То бишь и со стрелками толковыми поговорить, и семью с собой в Москву забрать. Благодаря совету Фёдора Артуровича после того боя не списали его подчистую, а отправили в бессрочный отпуск по состоянию здоровья, и пришлось сибиряку нашить на погоны по две лычки черного басона. Зато теперь не абы кто, а подпрапорщик Игнатов едет по делам, снабжённый грозной бумагой из Собственной Его Величества канцелярии (Келлер всё же договорился с Танеевым, или кто там у руля) и приличной суммой на случай, если эта бумага не подействует...

Вообще даже не предполагал, что чтение будет так заразно. После экспресс-обучения грамоте для сдачи экзаменов на прапора почти все новоиспеченные их благородия ударились в литературу. В ход пошли все книги, до которых их цепкие ручки смогли дотянуться, пришлось даже в канцелярии освободить один шкаф специально под библиотеку. Причем книги оттуда видел и у простых бойцов. За теми же дневальными в ночное время этот грешок давно уже тянется, несмотря на угрозу жесточайшей кары в виде почти дословного пересказа прочитанного... До Толстого и Достоевского, правда, еще не доросли, включая и командира батальона. Ну не лю-

блю я их ещё со школы! Сами посудите, можно ли в шестнадцать лет осмыслить философскую величавость Льва Николаевича или психологические пассажи Федора Михайловича. Что же касается моих орлов, они уже давно поняли, что тварями дрожащими не являются и право имеют. Почти на всё.

Вот и сейчас купе больше похоже на читальный зал. Ещё двое увлечены Пушкиным, один читает «Сказки», другой по самые уши погрузился в «Руслана и Людмилу». Это они уже поменялись книгами. Котяра, решив соригинальничать, выбрал «Кому на Руси жить хорошо» и сейчас сравнивает свои жизненные воззрения с некрасовскими. И, насколько я знаю, в чемоданах ждут своего часа еще с десятков книг. В соседнем купе такая же беда, народ во главе с Остапцом уткнулся в книжки, коротая время в дороге. Я тоже не отстаю от коллектива, только вот литература у меня больно специфическая, и поэтому обложки обернуты газетами. Сейчас перечитываю «Манифест Коммунистической партии» господ Маркса и Энгельса. Потом на очереди — «Капитал» и прочие мыслезавихрения. А заодно «Марксизм и национальный вопрос» самого товарища Джугашвили изучить не мешает, к красноярской встрече подготовиться заранее...

Томск!.. Приехали!.. Поезд медленно подтягивается к приземистому вокзалу, и паровоз с громким «Фух-х-с-с» и последовавшим лязгом буферов останавливается окончательно. Выходим компактной группкой на заснеженный перрон, с удовольствием вдыхая морозный воздух после духоты вагона, и я шагаю к вагону первого класса, где ехало

высокое начальство, чтобы получить последние цэу. Чиновникам сразу было доходчиво доведено, что мы, хоть и входим в состав комиссии, но едем со своей особой задачей, а посему трогать нас не могли.

Ничего особенного нам сказано не было, посему командирским решением переносу представление уездному воинскому начальнику на завтра, всё же не хочется в шесть вечера отрывать всеми уважаемого полковника Соколовского от ужина в кругу семьи. Размещаю своих прапоров в близлежащей гостинице, договариваемся о завтрашней встрече и, взяв извозчика, еду домой, с удовольствием слушая давно забытый скрип полозьев по укатанному снегу...

Первым меня встречает наш дворник, старающийся сквозь плотные уже сумерки разглядеть, кого там принесла нелегкая на ночь глядя.

— Потапыч, старина, здравствуй!

— ...Хосподи... Кто ж то?..— Старик, подслеповато прищурившись, оглядывает меня с ног до головы. — Никак Денис Анатолич пожаловали?..

— Он самый, Потапыч, он самый.

— А и не узнашь сразу-то! О, каков-то орёл вымахал! Видать, и в чинах немаленьких? — Старый солдат, разглядев мои погоны и георгиевскую ленточку на второй петличке, вытягивается во фронт, беря лопату для снега в положение «К ноге». — Здравия желаю, вашвысокбродь!..

— Да полно тебе, старина! — От накатившего избытка эмоций приобнимаю его за плечи. — Мои родители дома?

— Дома, как есть дома, гости у них. Важный такой барин с супружницей и ешо один поп...

Поднимаюсь по знакомо скрипящему крыльцу. Знакомо — потому что воспоминания Дениса-первого давно уже растворились во мне без остатка и их я воспринимаю как свои собственные. Прохожу по коридору, останавливаюсь у двери и два раза кручу барашку звонка, как того требует надпись «Прошу повернуть» вокруг неё. Раздается приглушенное звяканье, чуть позже слышны шаги, дверь открывается, и незнакомая молодуха в переднике горничной внимательно смотрит на меня, потом освобождает проход.

— Проходите, вашбродь. Как про вас доложить?

— Добрый вечер, любезная...

— Денис?! Боже!.. Ты как здесь?.. Откуда?.. —

В дверях появляется мама, от неожиданности застывающая на месте. Впрочем, замешательство длится не более секунды, она бросается ко мне, я тоже делаю шаг навстречу, обнимаю её и чмокаю в щеку.

— Здравствуй, мама!.. Вот, с оказией в гости приехал...

— Ну скажешь тоже! К себе домой — и в гости!.. Анечка, это мой сын, Денис Анатольевич. Прими шинель, пожалуйста. И, будь любезна, поставь еще один прибор на стол... У нас сегодня гости, папины знакомые, наверное, важные для него... Да ты их ещё не знаешь... Ты с Дашей приехал?.. Ой, что я говорю, на кого же она малышку оставит? — Мама с подозрительно заблестевшими глазами тараторит, не переставая. — А так хочется на внучку посмотреть!.. Ну, проходи же, проходи...

Шинель и папаху у меня забирает горничная Анечка, шашку, не доверяя женским рукам, вешаю

сам, привожу себя в порядок и вместе с мамой захожу в комнату.

— Анатолий!.. — Мама окликает отца, увлечённо о чем-то спорящего с каким-то господином.

— ...Денис, ты?! Вот так сюрприз!.. Позвольте представить вам моего сына. — Папа приходит в себя быстрее. — Ты какими судьбами здесь?..

— Здравствуй, папа! Добрый вечер, дамы и господа! — По привычке щёлкаю каблуками. — Приехал в командировку.

— Михаил Георгиевич Курлов, профессор, преподаю в Императорском университете, — представляется осанистый бородатый господин. — А это — моя супруга Александра Алексеевна.

— Денис Анатольевич Гуров, капитан, команду батальоном. — Пожимаю протянутую руку и делаю короткий поклон мило улыбающейся даме.

— Отец Димитрий, — представляется батюшка, также желающий поручкаться, глядя через очки на меня умными глазами.

— А что за командировка? — Папа продолжает расспросы. — Если это не военная тайна, конечно.

— Не тайна. Инспекция исполнения планов очередной мобилизации... Спасибо, мама, я не голоден, но вот от горячего чаю не откажусь. — Приземляюсь за стол возле только что поставленного столового прибора. — Успел отвыкнуть уже от сибирских морозов.

— Анечка, подай, пожалуйста, чай. — Мама окликает не успевшую исчезнуть служанку.

— Ох уж эти мобилизации. Всё берут и берут. Скоро одни бабы с детишками останутся. — Со

вздохом подает голос Александра Алексеевна. — Вот и наш Вячеслав тоже хочет идти воевать, никак не можем отговорить. С его-то здоровьем...

— Поймите правильно тревогу любящей матери, господа. — Неуклюже спешит загладить неловкий момент Михаил Георгиевич. — Он действительно не перенесет окопной жизни — от рождения очень слабые легкие... Не чета вам, Денис Анатольевич. Вы — герой и храбрец, образец для подражания.

— А два года назад был совсем другим, — горделиво замечает отец. — Прочили ему научную стезю, а он возьми, да и подайся в школу прапорщиков. Мы, конечно, были против, но он и слушать ничего не желал. И, что удивительно, оказался прав. Дослужился до капитанских чинов, Георгиевский кавалер.

— Да и Владимир на шее о многом говорит. — Курлов рад смене темы и обращается к супруге: — А говорит сие, моя дорогая, что Денис Анатольевич уже награждён всеми положенными по чину орденами. Что же вы такого геройского сотворили? А, господин капитан?

— Просто воевал, Михаил Георгиевич, как и все.

— Денис, не скромничай. Помните, господа, случай с неудачным похищением великой княжны? — отец, довольный улыбаясь, начинает меня рекламировать. — Так вот, солдатами, которые отбили Ольгу Николаевну, командовал он!

Ага, вот она, минута славы... И отцовской гордости за сына... Гости в некотором шоке, пауза затягивается, надо переключать внимание.

— Папа... Ну, повезло, улыбнулась Фортуна. Что тут такого особенного... Кстати, я своим появлением

вашей дискуссии не помешал? Вы о чём-то так горячо спорили...

— А вот мы тебя сейчас в неё и вовлечем. Ты же в столицах обретаешься, должен знать побольше, чем мы в нашей глухомани. — Отец понимает, что дальше тему развивать не следует. — Мы тут обсуждали последнее выступление господина Милюкова в Думе.

— ...Возможно, на этот раз вы знаете больше, чем столичный обитатель, — растерянно пытаюсь хоть что-то выдать из себя. Потому что, когда уезжал, ни о чём таком не слышал.

— Ах да, ты же в дороге был... — Папа берет со стола несколько машинописных листочков и протягивает мне. — Возьми, ознакомься с... шедевром...

Так, смотрим и удивляемся... Ага... Ну да, как же... И даже вот так!.. А вот и главная мысль... Угу, а мордочку вам, господин Милюков, вареньем не намазать?.. Короче, всё понятно, третий звонок, имеющий уши да услышит...

— Ну как тебе? Каково, а? — Отец нетерпеливо ждёт моей реакции. — Министр — почти что германский шпион! И в армии до сих пор полно немцев! Вон тот же адмирал Эбергард, например!

— Папа, что касается адмирала, то он — не немец, а швед, причем семья не первое поколение служит России. Ну, пришёл на его место русский Колчак, и что? Что-то изменилось?.. Абсолютно ничего. — Про то, что должно было произойти с «Императрицей Марией» при этом русском, пока помолчим, история ещё не закончилась. — А что касается Милюкова... Господин депутат уже не стесняется

в выражениях... Где же это было... Ага, вот, про кабинет министров: «...их сознательная готовность выполнить программу большинства Государственной Думы и их обязанность опираться не только при выполнении этой программы, но и во всей их деятельности на большинство Государственной Думы». А большинство в Думе у нас кто?.. Если убрать патетику и словесную шелуху, то в двух словах это будет выглядеть так: «Дайте нам власть в стране!»

— Вот и я вам об этом толкую, Анатолий Сергеевич, — поддерживает меня Михаил Георгиевич. — Основная опасность — в них, а не в мифических или даже реальных шпионах. Последними занимаются жандармы и, как говорят, контрразведка. А вот за нашими заводчиками да фабрикантами-капиталистами никакого присмотра. Как же, уважаемые люди!.. Вон, далеко ходить не надо, на днях в «Сибирской жизни» писали, что в Петрограде арестованы крупные сахарозаводчики Добрый, Бабушкин и Гепнер, прибывшие на совещание по вопросу сахарного кризиса... Только их заводы производят до двадцати восьми миллионов пудов сахара в год! А мы при всём при этом на карточки переходим, вот-с! Куда все эти пуды подевались? Прячут же, мерзавцы, хотят цены вздуть!

Ну это не совсем так. Воронцовское ведомство и «сочувствующие лица» давно уже взяли на карандаш этих уважаемых, и вот десять дней назад операция «Горький мёд» успешно началась. Там не выжидание выгодной цены, там поставки на экспорт были. Стокгольмским фирмам, почти открыто